

Л.Н. Лазарева*

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОФАКТОРНОСТИ
ПРИЧИН РАСПАДА СССР****doi:10.31518/2618-9100-2022-4-3
УДК 94:338(47)"1930/1960"

Выходные данные для цитирования:
Лазарева Л.Н. Экономическая реформа 1965 года в контексте проблемы многофакторности причин распада СССР // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 32–44. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-03.pdf>

L.N. Lazareva*

**ECONOMIC REFORM OF 1965
IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF MULTIFACTORIAL
CAUSES OF THE COLLAPSE OF THE USSR****

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-3

How to cite:
Lazareva L.N. Economic Reform of 1965 in the Context of the Problem of Multifactorial Causes of the Collapse of the USSR // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 32–44. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-03.pdf>]

Abstract. In modern historiography, the opinion has been confirmed that the reasons for the collapse of the USSR were a combination of objective and subjective factors. In this context, the problem of the role of the socio-economic model in the disintegration of the Soviet Union has great research potential. Within the framework of the unfolding discussion, the degree of effectiveness of centralized planning as a method of managing the national economy, the possibility of reformatting the existing economic model and transition to a market economy without destroying the state is assessed. The study of the economic reform of 1965 makes its contribution to the analysis of the causes of the genesis and dynamics of the development of centrifugal tendencies. The author comes to the conclusion that the incompatibility of the paradigms of the “Stalinist” model and the “Kharkov system” formed the inconsistency of the concept of the “Kosygin” reform. Therefore, the introduction of innovations in the economic mechanism reduced its effectiveness, but could not solve the problem of the “weak link” of the economic system “the state is a single factory”. At the same time, the analysis of the adjustments made to the “Stalinist” model does not give grounds for concluding that the Soviet economy is fundamentally not reformable. The author believes that in the disintegration of the USSR, priority was given to the political will of the Center, while economic factors played only a secondary role in this issue.

Keywords: economic reforms in USSR, economic mechanism, stalinist model of socio-economic development, conception of E.G. Lieberman, reform of A.N. Kosygin.

The article has been received by the editor on 14.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В современной историографии утвердилось мнение, что причиной распада СССР была совокупность объективных и субъективных факторов. В данном контексте большой исследовательский потенциал имеет проблема роли функционирующей социально-экономической модели в дезинтеграции Советского Союза. В рамках

* **Любовь Николаевна Лазарева**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России, Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия, e-mail: laz_dom@mail.ru

Lyubov Nikolaevna Lazareva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern History of Russia, Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia, e-mail: laz_dom@mail.ru

** Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР».

The publication was prepared with the financial support of the RFBR, project 21-09-43005 “Methodology for the Study of the Causes of the Collapse of the USSR”.

развернувшейся дискуссии оценивается степень эффективности централизованного планирования в качестве метода управления народным хозяйством, возможность реформирования существовавшей экономической модели и перехода к рыночной экономике без разрушения государства. Свою лепту в анализ причин генезиса и динамики развития центробежных тенденций вносит изучение экономической реформы 1965 г. «Сталинская» экономическая модель базировалась на парадигме управления народным хозяйством как «единой фабрикой». Базовый концепт «харьковской» модели развития («фактический переход» к корпоративному устройству с высокой степенью самостоятельности предприятий («филиалов»)) противоречил сталинской экономической системе. Несовместимость парадигм двух моделей социально-экономического развития сформировала противоречивость концепции «косыгинской» реформы. Поэтому внедрение новаций в хозяйственный механизм снижало его эффективность, но не могло решить проблему «слабого звена» экономической системы «государство – единая фабрика». Вместе с тем анализ корректировок, внесенных в «сталинскую» модель, не дает основания для вывода о принципиальной неререформируемости советской экономики. Автор считает, что в дезинтеграции СССР приоритет был за политической волей Центра, тогда как экономические факторы играли в этом вопросе лишь второстепенную роль.

Ключевые слова: экономические реформы в СССР, хозяйственный механизм, сталинская модель социально-экономического развития, концепция Е.Г. Либермана, «косыгинская» реформа.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022

Для современной историографии характерен приоритет многофакторности в объяснении причин гибели «советского проекта». При этом выделяется очень широкий спектр проблем: от «родовой травмы» самой социалистической системы до происков геополитических противников СССР. В данном контексте большой исследовательский потенциал имеет анализ роли социально-экономической модели в дезинтеграции СССР. Причем за прошедшие годы ее оценки также претерпели существенные корректировки.

На входе в «шоковую терапию» (и на страницах специализированных изданий экспертного уровня, и в прессе, адресованной массовому читателю) в качестве аксиомы навязывался тезис – экономическая система, базирующаяся на директивном планировании, централизованном управлении и огосударствовании собственности, априори не эффективна¹.

О современной переоценке опыта отечественной модернизации свидетельствует следующее: в монографии «Кристалл роста к русскому экономическому чуду» (в круг авторов которой входят высокопоставленные отечественные чиновники) обосновывается необходимость брать «огонь из прошлого» – использовать наследие советских управленческих практик в формировании траектории развития страны. Отклики общественности и научного сообщества, отразившиеся в рецензиях, помещенных на сайте книги, выявляют широкую поддержку данной позиции².

К отличительным чертам современного уровня осмысления проблемы можно отнести междисциплинарный характер научного поиска. Он ведется «на стыке» истории, экономики, социологии. Высокую планку ему задают труды Е.Т. Артемова³, Ю.П. Бокарева⁴, В.В. Журавлева⁵, С.Г. Кара-Мурзы⁶, Г.И. Ханина⁷ и др.

¹ См.: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995; Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления. М., 1991; Попов Г.Х. Реформирование неререформируемого (попытка Алексея Косыгина). М., 2009.

² Сайт книги «Кристалл роста». URL: <https://crystalbook.ru> (дата обращения: 23.03.2022).

³ Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006.

⁴ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе 1970–1980-е годы. М., 2007.

⁵ Журавлев В.В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 4: 1917–1991 гг. С. 663–671.

⁶ Кара-Мурза С.Г. Крах СССР. Кто виноват. М., 2016.

⁷ Ханин Г.И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? Серия статей // Свободная мысль. 2003. № 7-12.

В рамках дискуссии о роли советской экономической модели в процессе распада СССР были поставлены следующие основные вопросы:

– можно ли считать директивное планирование эффективным методом управления народным хозяйством страны?

– поддавалась ли в принципе реформированию советская экономическая модель?

– был ли возможен переход от директивного планирования к рыночной экономике без разрушения СССР?

Свою лепту в анализ причин генезиса и динамики развития центробежных тенденций, определивших в конечном итоге дезинтеграцию Советского Союза, вносит изучение экономической реформы 1965 г., традиционно оценивающейся в историографии в качестве «точки бифуркации» и упущенного шанса⁸ своевременно «переформатировать» народное хозяйство.

В то же время нельзя упускать из виду и то, что «косыгинская» реформа вносила лишь важные корректировки в уже существовавший хозяйственный механизм, причем не ставя цель «демонтировать» его полностью. Поэтому представляется важным анализ базовых принципов внедряемых инноваций через призму их совместимости со «сталинской» экономической моделью⁹.

По мнению авторитетных исследователей, под воздействием «великого перелома» (форсированной индустриализации и коллективизации, призванной обеспечить хлебом экспортный план и стройки первых пятилеток) в промежутке с 1931 по 1933 г. сложилась специфическая экономическая модель, которую условно можно обозначить как «сталинская»¹⁰. Именно она (хотя и сильно деформированная) оставалась «скелетом» советской экономической системы вплоть до конца отпущенного СССР срока.

Ключевые особенности данной экономической системы, пожалуй, лучше всего были сформулированы И.В. Сталиным в январе 1941 г. на встрече с учеными-экономистами. Характеризуя задачи планирования, на первое место он поставил борьбу за суверенитет страны, на второе – «закрывать источники и клапаны, откуда возникает капитализм...», и лишь на третье – борьбу с диспропорциями¹¹.

Приоритет сектора «А» (обеспечение суверенитета СССР!) диктовал перекачку ресурсов из аграрного сектора и ставил наполнение потребительского рынка на второе место (тем не менее с повестки дня не убирал). Требование «не допускать диспропорций» реализовывалось в парадигме «единой фабрики». Предприятия становились «цехами» в народно-хозяйственном комплексе страны. Трудовые коллективы мотивировались производить много, качественно, дешево. Что именно и для кого производить – определял Центр, который отвечал за то, чтобы усилия и ресурсы тратились на создание нужной стране продукции, а рентабельность отдельных предприятий была подчинена интересам народно-хозяйственного комплекса в целом.

Конкуренцию заменил плановый показатель «снижение себестоимости», который, подкрепленный ценовой, кредитной, налоговой политикой, «заставлял» бороться с бесхозяйственностью и формировал запрос на введение инноваций в производственный процесс.

При этом важной составляющей «сталинской» модели был организуемый государством перевод экономики в новый технологический уклад с помощью централизованно осуществляемого пересмотра порядка норм выработки, следовавшего за снижением розничных, а затем и оптовых цен. Таким образом, «срезалась» маржа, полученная хозяйствующим субъектом. Коллективу предприятия оставалось лишь изыскивать возможность и дальше

⁸ См.: Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.). М., 2018.

⁹ Необходимо заметить, что «сталинской» данная модель называется условно, как дань традиции связывать определенные этапы развития страны с именами государственных лидеров (царей, генсеков, президентов). Безусловно, ее авторами были миллионы советских людей, не жалевших сил на стройках первых пятилеток, «красные директора», наркомы, плановики, экономисты – т.е. все те, кто в ходе решения задачи модернизационного рывка смог нащупать действенные механизмы развития народного хозяйства.

¹⁰ См.: Мерль Ш. Революция и политическая экономия, 1917–1929 годы: переход от планового управления хозяйством и обществом к сталинской командной экономике // Экономисты о революции 1917 года. М., 2021. С. 730; Девис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка. Механизмы смены экономической политики // Российская история. 1994. № 3. С. 92–108.

¹¹ Бухерт В.Г. Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами // Исторический архив. 2012. № 4. С. 6–13.

ликвидировать непроизводительные издержки и стремиться к росту производительности труда. Народное хозяйство страны «разворачивалось» на интенсивный путь развития.

Жесткая система директивных заданий (контроль выполнения плана, причем не только в денежных, но и в натуральных показателях, был важнейшим базовым принципом «сталинской» модели) дополнялась косвенными мерами экономического воздействия. Например, поощрительные расценки труда, премиальное стимулирование, заготовительные цены на особо нужные государству культуры, премиальные фонды предприятий и т.п. Важную роль играла кредитная и налоговая политика, помогая Центру стимулировать трудовые коллективы на выполнение и перевыполнение плановых заданий.

«Стабилизирующие» механизмы – ценовая политика и массовые государственные займы – убрали денежный навес, не подкрепленный потребительскими товарами, и уменьшали дифференциацию доходов населения. Задача «закрывать» «источники и клапаны» капитализма очерчивала «прокрустово ложе» «рынка». Частник был организован в артели инвалидов, потребительскую и промысловую кооперацию¹². Колхозник, отработавший за «трудодни» на государство и обложенный налогами, был вынужден продавать на рынке часть урожая, выращенного им в личном подсобном хозяйстве¹³. Снижение цен в государственной торговле «давило» на цены колхозного рынка. Жители городов получали дополнительный источник снабжения.

Найденная концепция хозяйственной модели позволяла решать задачи модернизационного рывка в условиях жесткого дефицита самого необходимого. В то же время у нее была и «изнанка». Прежде всего, это была модель, базирующаяся на опережающем развитии предложения – создании новых и модернизации существующих отраслей и производств. Уровень благосостояния населения был важен (коммунистическое общество – цель большевиков – это общество изобилия!)¹⁴, но его рост стоял в списке приоритетов за переходом на новый технологический уклад¹⁵.

¹² К началу 1950-х гг. в состав промкооперации входило 12 667 артелей и 1 844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро. Промкооперация выпускала 33 444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. – от детских игрушек до холодильников. Доля артелей в оказании бытовых услуг населению составляла от 60 до 80 % (Пасс А.А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 152).

¹³ В 1948 г. обязательные поставки в РСФСР по вмененным обязательствам (в среднем на один облагаемый по данному продукту колхозный двор, без недоимок прошлых лет) составляли: 20 кг зерна, 222 кг картофеля, 41 кг мяса, 211 л молока, 1,32 кг шерсти, 0,75 штук овчины и козлины, 0,68 шкур свиных, 84 яйца. Фактически было сдано: 14 кг зерна, 189 кг, картофеля, 38 кг мяса, 207 л молока, 1,25 кг шерсти, 0,64 штук овчины и козлин, 0,45 шт. шкур свиных, 69 шт. яиц (Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг. М., 2020. С. 623–624).

За обязательные поставки государство выплачивало колхозникам очень низкие цены. Например, в 1950 г. в Вологодской области крестьянин получал 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп. (Изюмова Л.В. Организация натурально-продуктовых повинностей колхозного крестьянства в 1930–1950-е гг. (по материалам Вологодской области) // 1929: «Великий перелом» и его последствия: мат-лы XII междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 сентября 2018 г.). М., 2020. С. 268–275.

При этом в послевоенное десятилетие с развертыванием «холодной» войны неуклонно сокращались льготы по налогообложению, а размер обязательств рос. Так, в марте 1948 г. 100%-ная скидка сельхозналога для семей военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, была заменена на 50%-ную. В 1950 г. увеличились нормы вмененной доходности приусадебного земледелия, а также ставки обложения хозяйств с годовым доходом свыше 4 тыс. руб. (Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М., 2015. С. 445).

¹⁴ Подробнее о формировании долгосрочной стратегии развития страны см.: Лазарева Л.Н. Осмысление итогов победы: формирование стратегии и тактики послевоенного развития страны // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.). М., 2021. С. 648–662.

¹⁵ В то же время нельзя сбрасывать со счетов усилия, прилагаемые для улучшения бытовых условий жизни населения. Сразу же после окончания войны в промышленности был начат переход к выпуску гражданской продукции.

26 мая 1945 г. вышло постановление ГКО «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения». 32 предприятия должны были перенастроить свои производственные мощности на выпуск гражданской продукции (URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41863#B41colSs1b4mjTn> (дата обращения: 14.10.2021)).

Советские экономисты и обществоведы исходили из того, что инвестиции в создание и развитие индустриальной базы и производственной инфраструктуры сектора «А» (производство средств производства) должны обеспечить прибавочный продукт, достаточный для «подтягивания» сектора «Б» (производство предметов потребления). Помноженная на нелегкую историческую судьбу страны, которая за первую половину XX в. была вынуждена дважды буквально «воскресать из пепла» (восстанавливать народное хозяйство после разрухи Гражданской и Второй мировой войн)¹⁶, данная стратегия вела к недостаточно быстрому темпу повышения уровня жизни населения. Е.Ю. Зубкова очень точно подметила: общество, пережившее испытания страшной войны, восстановившее народное хозяйство страны в кратчайшие сроки (уже к 1950-м гг. удалось выйти на показатели последних мирных лет, при этом даже частично модернизировав индустриальный парк!), мечтало о сытой и благоустроенной жизни¹⁷.

Уменьшали возможности роста инвестиций в сектор «Б» и сбои механизмов самой «сталинской» модели. По мере нарастания сложности народного хозяйства слабым звеном системы оказывались проблемы качественного планирования. При столь важном месте, отведенном в долгосрочной стратегии развития страны научному прорыву и внедрению инноваций, хозяйствующему субъекту, нацеленному на снижение себестоимости, было невыгодно заниматься рестайлингом своей продукции и инициировать модернизацию производственного процесса. Во-первых, из-за переналадки оборудования и подобных мероприятий, сопровождающих новаторство, неизбежно увеличивалась себестоимость изделий (важный оценочный показатель в плановом задании для премирования трудового коллектива). Во-вторых, существовавшая ценовая структура экономики (дешевые ресурсы и дорогая промышленная продукция) не позволяла быстро «окупить» затраты на внедрение, а значит ухудшались и показатели, заточенные на стимулирование трудового коллектива за счет прибыли (например, отчисления в фонд директора). Поэтому именно Центр должен был выбирать нужный «стартап» и строго контролировать внедрение технических новинок в производство. Не утратила актуальности и проблема слабой заинтересованности производителей в повышении потребительских качеств своей продукции¹⁸.

Итак, можно резюмировать: запрос на корректировку механизмов «сталинской» модели был объективен. Он формировался прежде всего необходимостью обеспечения более сбалансированного соотношения накопления и потребления. К тому же задачи Центра в «сталинской» модели входили в противоречие с объективными возможностями качественной

Согласно постановлению СНК СССР от 22 августа 1945 г., выпуск товаров широкого потребления и продовольственных товаров из местного сырья и отходов должны были нарастить предприятия местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов (Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246606-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-sssr-22-avgusta-1945-g-o-meropriyatiyah-po-uvelicheniyu-proizvodstva-tovarov-shirokogo-potrebleniya-i-prodovolstvennyh-tovarov-predpriyatiyami-mestnoy-promyshlennosti-promyslovooy-kooperatsii-i-kooperats> (дата обращения: 14.10.2021)). На 1947–1950 гг. капиталовложения в сектор «Б» были увеличены за счет сокращения капитальных работ по министерствам сектора «А» на 2030 млн руб. (Денежная реформа в СССР 1947 года. М., 2010. С. 565).

¹⁶ Нельзя сбрасывать со счетов и то, что очень быстро после победы во Второй мировой развернулась «холодная война» и на первый план вышла задача создания и налаживания производства (причем в кратчайшие сроки) нового высокотехнологичного вида оружия. Сложность и важность ее достижения коррелировали с размерами финансирования, забиравшего ресурсы у гражданских отраслей.

¹⁷ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 49–50.

¹⁸ «...Некоторые предприятия, чтобы выполнить план по валовой продукции, допускают антигосударственную практику сверхпланового производства второстепенных изделий за счет невыполнения заданий по производству важнейших видов продукции, предусмотренных государственным планом. В ряде отраслей промышленности нарушается государственная дисциплина в отношении качества выпускаемой продукции. Имеют место факты поставки потребителям недоброкачественных изделий и товаров, не отвечающих установленным стандартам и техническим условиям. Машиностроительные предприятия нередко ставят на производство конструктивно недоработанные машины, не соответствующие условиям эксплуатации. На предприятиях легкой промышленности еще велик выпуск продукции пониженной сортности. Все это наносит ущерб народному хозяйству» (Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). 5 октября 1952. М., 1952. С. 34–35).

обработки информации – необходимого условия постановки сбалансированных задач для каждого хозяйствующего субъекта – и контролем их выполнения.

Современники видели выход в компромиссе между усилением на стратегических направлениях централизации и делегированием части полномочий Центра на региональный уровень во «второстепенных» вопросах (прежде всего связанных с наполнением потребительского рынка и улучшением жилищно-бытовых условий).

В учебнике «Политическая экономия» (1954 г.), в написании которого принял активное участие И.В. Сталин¹⁹, по этому поводу было сказано:

«Дальнейшее совершенствование методов социалистического планирования предполагает последовательное проведение централизации планирования по основным и решающим показателям, при одновременном усилении роли и развязывании инициативы местных органов, промышленных предприятий и колхозов в плановом руководстве производством, обеспечение дифференцированного подхода в планировании применительно к каждому экономическому району, сельскохозяйственной зоне, к каждому предприятию, колхозу <...>»²⁰.

Воплощение в практику данной установки было непростым делом. «Инициатива местных органов» часто входила в противоречие с нехваткой ресурсов. Да и практика делегирования части полномочий Центра хозяйствующему субъекту во время Великой Отечественной войны показала, что в установлении баланса директивного планирования и инициативы региональных руководителей арбитром все равно выступала Москва. Из-за этого нюанса проблему своевременной обработки информации и доведения принятого решения в неискаженном виде до исполнителей подобным способом полностью решить было невозможно.

После смерти И.В. Сталина его «наследники» решительно взялись за корректировку экономической политики. Вопрос об инвестициях в секторы «Б» был решен за счет сокращения вложений в опережающее развитие. Уже 25 марта 1953 г. по инициативе Л.П. Берии было принято Постановление Правительства № 385 «Об изменении строительной программы 1953 года», ликвидировавшее 20 крупных проектов, часть из которых имела достаточно высокую степень готовности²¹.

Г.М. Маленков пошел еще дальше, заявив о перераспределении бюджета для обеспечения снижения давления на аграрный сектор и форсированного роста производства предметов широкого потребления²². Закупочные цены на продукцию колхозов были повышены, снижены нормы обязательных поставок и сельхозналог с приусадебных участков.

Н.С. Хрущев поставил задачу «сохраняя и впредь высокие темпы развития тяжелой индустрии <...> придать больший размах развитию производства предметов потребления»²³ за счет привлечения новых ресурсов – т.е., по сути, разворачивая народное хозяйство страны на экстенсивный путь.

В монографии «Кристалл роста к русскому экономическому чуду» приводится оценка смены траектории экономического развития Госдепартаментом США: «Промышленное развитие и развитие транспортных связей между регионами может замедлиться ввиду отмены промышленной программы 1953–1954 годов <...> В стране сделан упор на сельское хозяйство и, в основном, на освоение обширных целинных земель, что продлится, самое меньшее, пять-шесть лет. Это обстоятельство тоже может привести к замедлению индустриального развития»²⁴.

¹⁹ См.: Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Нельзя “преобразовывать” законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И.В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77; № 3. С. 3–20; Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономии // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

²⁰ Политическая экономия: учебник М., 1954. С. 306.

²¹ Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. С. 206.

²² Маленков Г.М. Речь на собрании избирателей Ленинградского округа Москвы 12 марта 1954 года. М., 1954. С. 12.

²³ Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., 1956. С. 44.

²⁴ Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста... С. 207.

Вслед за корректировкой долгосрочной стратегии развития страны началась деформация механизмов самой модели. Был ликвидирован Госснаб, взят курс на снижение разницы доходов советских граждан (коррелировавший в «сталинской» системе с уровнем образования, квалификации и производительности труда), «свернут» механизм ежегодного снижения цен и государственных займов, ликвидирован фонд директора, централизованный ежегодный пересмотр норм выработки, система отраслевого управления, «огосударвлена» промкооперация.

В условиях снижения налогового пресса «заинтересованность» крестьян в работе на колхозных полях закономерно упала, а рыночные цены устремились вверх. Пришлось применять административный ресурс. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» ставило размер приусадебного участка в зависимость от количества колхозников в семье²⁵.

Постановление Совета Министров СССР от 27 августа 1956 г. «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» требовало запретить кормить скот продовольственными продуктами, покупаемыми в государственных и кооперативных магазинах²⁶. Учитывая то, что корма для откорма скота купить было нельзя, вышедшее постановление выводило за рамки легальности этот источник продовольствия для советских граждан. Лидер партии видел выход в полном уничтожении личного подсобного хозяйства²⁷.

Важной составляющей директивой централизованной экономики был запрос на высокий профессионализм управленцев, организаторские таланты и экспертный уровень квалификации которых давали возможность системе делать верный выбор. Г.И. Ханин обращает внимание на вытеснение в ходе партийной борьбы целых команд управленцев, ориентированных на попавшего в «опалу» партийного лидера²⁸. Потеря высококлассных специалистов, разбиравшихся в особенностях функционирования сложных хозяйственных механизмов «сталинской» модели, усугубляла неверные решения руководителей государства.

Результатом «хрущевского» реформирования стало усиление диспропорций в экономике и, как следствие, замедление научно-технического прогресса. В то время как ключевые проблемы «сталинской» модели, мешавшие развитию народного хозяйства страны, решить не удалось.

Неутешительные результаты «великого десятилетия» во внутренней и внешней политике привели к смене команды на властном «Олимпе». Поиск хозяйственного механизма, способного обеспечить отечественную модернизацию в контексте разворачивавшейся во всем мире научно-технической революции, встал в число приоритетов нового руководства страны.

Следующая попытка выйти на сбалансированное развитие народного хозяйства, одновременно обеспечивающее и накопление, и потребление, была осуществлена в рамках хозяйственной реформы 1965 г. В ее основу легла концепция, предложенная харьковским профессором Е.Г. Либерманом²⁹.

²⁵ Известия. 1956. 10 марта.

²⁶ Сборник постановлений Совета Министров СССР за 1956 г. Т. 2. Л. 143–145.

²⁷ Интересную точку зрения высказал по этому вопросу В.А. Ильиных. Он считает, что под руководством Хрущева была проведена организационно-хозяйственная перестройка сельского хозяйства, которая привела к формированию новой модели аграрного строя страны. И связана эта перестройка была в первую очередь с тем, что «сталинскую» модель Хрущев воспринимал как отступление от идеальной социалистической модели (Ильиных В.А. Программа Н.С. Хрущева по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М., 2016. С. 334).

²⁸ Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11. С. 85.

²⁹ Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

Много лет занимаясь поиском механизмов, способных повысить эффективность хозяйствования, Евсей Григорьевич предложил делегировать составление плана трудовому коллективу предприятия, ограничив его лишь директивным заданием по выпуску нужного народному хозяйству объема продукции в номенклатуре. Опытный экономист Е.Г. Либерман помнил о существовавшем механизме «фонд директора», заинтересовавшем трудовой коллектив в борьбе за повышение рентабельности своего предприятия. С его помощью он считал возможным компенсировать стремление получить «легкое» задание, утаить ресурсы от Центра и т.п.³⁰ Проблема внедрения инноваций решалась Либерманом надбавкой к оптовой цене, способной окупить затраты, связанные с освоением новой продукции. При этом обязательным условием выступало требование – у всех форм поощрения должен быть лишь один источник: отчисления от прибыли, заработанной трудовым коллективом. Штрафы – хозрасчетные денежные санкции – также должны были выплачиваться из этих же отчислений. Таким способом обеспечивалась взаимозависимость интересов индивида и всего трудового коллектива, мотивируя всех его членов – от подсобного рабочего до директора бороться за рост прибыли.

Директивный Центр, переводящий на язык плановых расчетов дорожную карту к «флажкам», расставленным программой КПСС, спускал контрольные цифры совнархозам. На региональные органы управления возлагалась задача складывания в общий «пазл» указанных сверху целей и прогнозируемых снизу путей их достижения. Совнархозы должны были, по мнению Либермана, контролировать выполнение получившейся в итоге производственной программы³¹.

Таким образом, в «харьковской системе» – как окрестили концепцию Е.Г. Либермана в ходе многочисленных дискуссий на страницах специализированной и популярной прессы, речь шла уже о преодолении парадигмы «государства – единой фабрики» и переходе от нее к «государству – корпорации», в котором «филиалы» принимают самостоятельные решения, отчитываясь перед Центром ростом прибыли.

Предложенные новации вызвали острую критику «сталинских» экономистов³². По их мнению, проблему информационного «перегруза» Центра «харьковская система» решить не может: возникнут нестыковки с планированием чистого дохода, финансов, распределением и перераспределением национального дохода. Кроме того, концепция украинского ученого недостаточно продумана. Так, в ее рамках невозможно обеспечить соответствие объема нецентрализованных капитальных вложений материальным ресурсам, если инвестиции будут в распоряжении хозяйствующих субъектов³³.

Вместе с тем замена оценочного показателя «снижение себестоимости» на «рентабельность» снизит эффективность работы хозяйственного механизма, замена фондирования торговлей нереализуема из-за дефицита резервов по многим важнейшим материалам³⁴. Более того, чрезмерная актуализация принципа материальной заинтересованности вообще несовме-

³⁰ Предприятию полагались отчисления от прибыли с процента рентабельности, указанного в техпромфинплане. Если выполнить план трудовой коллектив не сможет – поощрение будет рассчитано согласно шкале по достигнутому показателю. Но если план удастся перевыполнить – поощрение возрастет. Таким образом, по мнению Либермана, скрывать ресурсы будет незачем, а занижать задание – невыгодно. Нормативная шкала отчислений от прибыли должна быть разработана по отраслям для однородных групп предприятий и обязательно устанавливаться на длительный срок (Либерман Е.Г. Планирование производства и нормативы длительного действия // Вопросы экономики. 1962. № 8. С. 104).

³¹ Там же. С. 109.

³² Например, легендарного министра финансов А.Г. Зверева, в 1962 г. занимавшего скромную должность старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР. Также острую критику «харьковская система» получила со стороны опытного плановика Г.П. Косяченко, участвовавшего в подготовке Московского экономического совещания 1952 г. и входившего в число экспертов, готовивших перевод рубля на золотое содержание в 1950 г. С 1960 г. он возглавлял Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов СССР. Разделял их оценки и К.Н. Плотников – заместитель министра финансов СССР с 1949 по 1953 г., с 1959 по 1965 г. – директор Института экономики Академии наук СССР и др.

³³ Экономическая газета. 1962. 3 нояб.

³⁴ Там же. 3 нояб. С. 42.

стима с целью развития советского общества – строительством коммунизма³⁵. Доводы лагеря «консерваторов» можно свести к тезису: «лекарство», предложенное Е.Г. Либерманом, опаснее самой «болезни».

Были у «харьковской» модели и последовательные сторонники. К таковым можно отнести В.С. Немчинова, А.М. Бирмана, Н.Я. Петракова и др. Они доказывали, что возведение в ранг оценочных показателей рентабельности и прибыли может стать «противоядием» от волюнтаризма плановых заданий; требованиям закона стоимости – как самого эффективного регулятора – необходимо подчинить отраслевую структуру и ценовую политику; директорский корпус должен получить возможность самостоятельно решать, как «лучше хозяйствовать»³⁶.

Попытка убрать противоречия «харьковской системы» (признаваемой и ими) вела ее сторонников к пониманию несовместимости предложений Е.Г. Либермана со «сталинской» моделью.

Выбор парадигмы экономической модели модернизационного рывка оставался за руководством страны и партии. Позволяет понять их решения оценка Ю.В. Аксютин, по мнению которого советские лидеры были державниками и коммунистами³⁷. Решение стоящей перед ними задачи требовало смены геополитических приоритетов и ревизии идеологии. Ни к тому, ни к другому правящая элита еще не была готова. Следовательно, их закономерным выбором стала позиция «скрестить ужа и ежа» – дополнив «сталинскую» модель «харьковской системой», повысить эффективность советской экономики.

Найденный «компромисс» оказался фатальным для судьбы «советского проекта». Несовместимость парадигм «сталинской» модели и «харьковской системы» сформировала противоречивость концепции «косыгинской» реформы. Деформированные хозяйственные механизмы лишь усугубляли принципиальные проблемы системы, сформировавшейся в условиях индустриального рывка под задачи данного этапа развития страны. Роль лидера в биполярном мире не позволяла в требуемой мере увеличить финансирование отраслей, отвечающих за рост уровня жизни граждан СССР. Стремление к выполнению обещаний неуклонного повышения благосостояния советского народа без кардинального роста эффективности хозяйственного механизма вело к падению темпов отечественной модернизации, а рост платежеспособного спроса, не обеспеченный товарным покрытием, активизировал теневую экономику.

Если новации, внесенные в «сталинскую» модель в «великое» десятилетие, деформировали ее механизмы, то «косыгинская» реформа переводила противоречия еще глубже – на уровень парадигмы, находившейся в сердцевине экономической системы.

Таким образом, вернувшись к дискуссии о роли советской экономической модели в процессе распада СССР, можно через призму анализа «косыгинской» реформы попытаться ответить на сформулированные в начале статьи вопросы.

Директивное планирование – лишь инструмент, требующий умелого применения. Именно с его помощью были решены задачи модернизационного рывка и восстановления народного хозяйства страны в кратчайшие сроки в условиях ограниченных ресурсов. Программа партии устанавливала цели, плановые задания выполняли лишь роль дорожной карты к обозначенным рубежам. Если «сталинская» долгосрочная стратегия разворачивала страну на интенсивный путь развития, то внесенные в нее корректировки «переводили» народное хозяйство на экстенсивный режим. Высокая социальная цена достижений, нарастающие противоречия между качеством, скоростью обработки информации и сложностью системы, проблемы внедрения инноваций в контексте запроса на достижение уровня развития, позволяющего одновременное накопление и потребление, – все это делало реформирование «сталинской» модели закономерным. Но созданная в ходе практического

³⁵ Русанов Е. О главном показателе работы предприятия // Вопросы экономики. 1962. № 10. С. 130.

³⁶ Немчинов В.С. Плановое задание и материальное стимулирование // Правда. 1962. 21 сент; Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. С. 37; Экономическая газета. 1962. 3 нояб.

³⁷ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 82.

поиска «сталинская» модель не была осмыслена современниками в должной мере. Одной из причин этого стало отсутствие развитой теории политической экономии социализма. «Мозговой штурм», направленный на ликвидацию данной лакуны, интенсивно шел все послевоенное десятилетие. Причем его инициировал, контролировал и обобщал лично И.В. Сталин. Новым руководством страны он не был продолжен. Жесткие рамки, в которые было заключено гуманитарное знание, не позволили продолжить работу по осмыслению особенностей развития экономики в специфических условиях, сложившихся в СССР, без патронажа высших государственных деятелей страны. Пожалуй, именно это, а не директивное планирование, стало фатальным обстоятельством для поиска новых механизмов, повышающих эффективность «сталинской» модели, или для замены ее непротиворечивой альтернативной системой.

Анализ «хрущевского» десятилетия и «косыгинской» реформы не дает оснований для выводов о принципиальной неререформируемости советской экономической модели. Скорее наоборот, свидетельствует о высокой степени корреляции ее развития с вносимыми новациями.

Концепция «государства-фабрики», формировавшая единый народно-хозяйственный комплекс, «прошивала» СССР экономическими нитями. Переход к территориальной системе управления ослаблял эту тенденцию. Возвращение к отраслевой структуре «работало» на государственное единство. В то же время следствием нарастания негативных тенденций в экономике, запущенных неумелым реформированием, стало формирование элиты, стремящейся обменять власть на собственность. Переход от директивного планирования к рыночной экономике зависел в первую очередь от политической воли Центра, экономические факторы играли в этом вопросе лишь второстепенную роль.

Литература

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 621 с.

Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 256 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с.

Бухерт В.Г. Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами // Исторический архив. 2012. № 4. С. 6–13.

Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.

Денежная реформа в СССР 1947 года: док-ты и мат-лы / сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 791 с.

Журавлев В.В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 4: 1917–1991 гг. С. 663–671.

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «...Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономии // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Нельзя “преобразовывать” законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И.В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77; № 3. С. 3–20.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М., 2015. С. 443–450.

Ильиных В.А. Программа Н.С. Хрущева по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2016. С. 330–339.

Кара-Мурза С.Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Алгоритм, 2016. 446 с.

Лазарева Л.Н. Осмысление итогов победы: формирование стратегии и тактики послевоенного развития страны // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2021. С. 648–662.

Либерман Е.Г. Планирование производства и нормативы длительного действия // Вопросы экономики. 1962. № 8. С. 101–110.

Маленков Г.М. Речь на собрании избирателей Ленинградского округа Москвы 12 марта 1954 года. М.: Госполитиздат, 1954. 18 с.

Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). 5 октября 1952 г. М.: Правда, 1952. 88 с.

Мерль Ш. Революция и политическая экономия, 1917–1929 годы: переход от планового управления хозяйством и обществом к сталинской командной экономике // Экономисты о революции 1917 года: сб. ст. М.: Дело РАНХиГС, 2021. С. 303–349.

Пасс А.А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 151–162.

Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. 126 с.

Политическая экономия: учебник / под ред. К.В. Островитянова. М., 1954. 455 с.

Русанов Е. О главном показателе работы предприятия // Вопросы экономики. 1962. № 10. С. 130.

Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: док-ты и мат-лы / сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.): моногр. / под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М.: КноРус, 2018. 352 с.

Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11. С. 166–170.

Ханин Г.И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? Серия статей // Свободная мысль. 2003. № 7–12.

Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У. Вторая пятилетка. Механизмы смены экономической политики // Российская история. 1994. № 3. С. 92–108.

References

Aksyutin, Yu.V. (2010). *Khrushchevskaya “otpepel’” i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev’s “Thaw” and Public Sentiment in the USSR in 1953–1964]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsina”. 621 p.

Artemov, Ye.T. (2006). *Nauchno-tekhnicheskaya politika khrushchevskogo desyatiletiya: zigzagi reform* [Scientific and Technical Policy of the Khrushchev Decade: Zigzags of Reforms]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 256 p.

Bokarev, Yu.P. (2007). *SSSR i stanovlenie postindustrial’nogo obshchestva na Zapade. 1970–1980-e gody* [USSR and Formation of Western Post-Industrial Society in 1970s–1980s]. Moscow, Nauka. 380 p.

Bukhert, V.G. (2012). Besedy I.V. Stalina s uchenymi-ekonomistami [Conversations of I.V. Stalin with Economists]. In *Istoricheskiy arhiv*. No. 4, pp. 6–13.

Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K., Okulov, M.O. (2021). *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu* [Growth Crystal to Russian Economic Miracle]. Moscow, Nashe Zavra. 360 p.

Il'inykh, V.A. (2015). Lichnoe priusadebnoe khozyaystvo sel'skogo naseleniya Sibiri v 1945–1953 gg.: politika gosudarstvennogo regulirovaniya, dinamika [Personal Household Plots of Rural Population of Siberia in 1945–1953: State Regulation, Dynamics]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: mat-ly VII Mezhdunar. nauch. konf. (Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.)*. Moscow, pp. 443–450.

Il'inykh, V.A. (2016). Programma N.S. Khrushcheva po reformirovaniyu agrarnogo stroya: doktrinal'nye osnovaniya, sodержanie, realizatsiya [Program of N.S. Khrushchev on Reforming Agrarian System: Doctrinal Foundations, Content, Implementation]. In *Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetskoy i postsovetskoy istorii: mat-ly VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2015 g.)*. Moscow, pp. 330–339.

Izyumova, L.V. (2020). Organizatsiya natural'no-produktovykh povinnostey kolkhoznogo krest'yanstva v 1930–1950-e gg. (po materialam Vologodskoy oblasti) [Organization of Natural Food Duties of Collective Farm Peasantry in 1930–1950s (Based on Materials of Vologda Region)]. In *1929: "Velikiy perelom" i ego posledstviya: mat-ly XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. (Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2018 g.)*. Moscow, pp. 268–275.

Kara-Murza, S.G. (2016). *Krakh SSSR. Kto vinovat* [The Collapse of the USSR. Who is Guilty]. Moscow, Algoritm. 446 p.

Khanin, G.I. (2001). 50-e gody – desyatiletie triumfa sovetskoy ekonomiki [The 1950s – Decade of Soviet Economy Triumph]. In *EKO*. No. 11, pp. 166–170.

Khanin, G.I. (2003). Sovetskoe ekonomicheskoe chudo: mif ili real'nost'? [Soviet Economic Miracle: Myth or Reality?]. In *Svobodnaya mysl'*. No. 7–12.

Khlevnyuk, O.V., Davis, R.U. (1994). Vtoraya pyatiletka. Mekhanizmy smeny ekonomicheskoy politiki [Second Five-Year Plan. Mechanisms for Changing Economic Policy]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 92–108.

Lazareva, L.N. (2021). Osmyslenie itogov pobedy: formirovanie strategii i taktiki poslevoennogo razvitiya strany [Comprehension of Victory Results: Formation of Strategy and Tactics of Post-War Development of the State]. In *Puti k Pobede. Chelovek, obshchestvo, gosudarstvo v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: mat-ly XIII Mezhdunar. konf. (Ekaterinburg, 21–24 iyunya 2021 g.)*. Moscow, pp. 648–662.

Lieberman, Ye.G. (1962). Planirovanie proizvodstva i normativy dlitel'nogo deystviya [Production Planning and Long-Term Regulations]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 8, pp. 101–110.

Malenkov, G.M. (1954). *Rech' na sobranii izbirateley Leningradskogo okruga Moskvyy 12 marta 1954 goda* [Speech at the Meeting of Voters of Leningrad District of Moscow on March 12, 1954]. Moscow, Gospolitizdat. 18 p.

Malenkov, G.M. (1952). *Otchetnyy doklad XIX s'yezdu partii o rabote Tsentral'nogo Komiteta VKP(b). 5 oktyabrya 1952* [Report to 19th Party Congress on the Work of Central Committee of CPSU (b). October 5, 1952]. Moscow, Pravda. 88 p.

Merl, Sh. (2021). Revolyutsiya i politicheskaya ekonomiya, 1917–1929 gody: perehod ot planovogo upravleniya hozyaystvom i obshchestvom k stalinskoy komandnoy ekonomike [Revolution and Political Economy, 1917–1929: Transition from Planned Management of Economy and Society to Stalinist Command Economy]. In *Ekonomisty o revolyutsii 1917 goda*. Moscow, pp. 303–349.

Nureev, R.M., Latov, Ju.V. (Eds.). (2018). *Upushchenny shans ili posledniy klapn? (k 50-letiyu kosyginikh reform 1965 g.)* [Missed Chance or Last Valve? (To the 50th Anniversary of Kosygin Reforms of 1965)]. Moscow, KNORUS. 352 p.

Ostrovityanov, K.V. (Ed.). (1954). *Politicheskaya ekonomiya: uchebnik* [Political Economy: Textbook]. Moscow, Gospolitizdat. 455 p.

Pass, A.A. (2019). Organizatsionnaya struktura kooperativnogo "biznesa" v SSSR (1950-e gg.) [Organizational Structure of Cooperative "Business" in USSR (1950s)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 438, pp. 151–162.

Petrakov, N.YA. (1966). *Nekotorye aspekty diskussii ob ekonomicheskikh metodakh khozyaystvovaniya* [Some Aspects of Discussion about Economic Methods of Managing]. Moscow, Ekonomika. 126 p.

Rusanov, E. (1962). O glavnom pokazatele raboty predpriyatiya [On Main Indicator of Enterprise]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 10, pp. 130.

Zhuravlev, V.V. (2016). Dikhotomiya reform i revolyutsiy v protsessakh modernizatsii Rossii (nekotorye itogovye suzheniya) [Dichotomy of Reforms and Revolutions in the Processes of Modernization in Russia (Some Final Judgments)]. In *Reformy v Rossii s drevneyshih vremen do kontsa XX v.* Moscow. Vol. 4: 1917–1991, pp. 663–671.

Zhuravlev, V.V., Lazareva, L.N. (2014). “...Nuzhno podnyat’ uroven’ ekonomicheskikh znaniy”. Stalinskaya metoda sozdaniya uchebnika politicheskoy ekonomii [“...We Need to Raise the Level of Economic Knowledge”. Stalinist Method of Creating a Textbook of Political Economy]. In *Rodina*. No. 3, pp. 54–61.

Zhuravlev, V.V., Lazareva, L.N. (2013). “Nel’zya “Preobrazovyvat” Zakony”. Ekonomicheskaya Diskussiya 1951 g. v otsenke I.V. Stalina [“You Can’t “Transform” Laws”. Economic Discussion of 1951 in Assessment of I.V. Stalin]. In *Istoricheskiy arhiv*. No. 2, pp. 45–77; No. 3, pp. 3–20.

Zubkova, Ye.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.